

1001 ночь.

Рассказ об Абу-Исе и Куррат-аль-Айн

Рассказывают, что Амр ибн Масада говорил: "АбуИса, сын ар-Рашида, брат аль-Мамуя, был влюблен в Куррат-аль-Айн, невольницу Али ибн Хишама, и она тоже была влюблена в него, но Абу-Иса таил свою страсть и не открывал ее, никому не жалуясь и никого не осведомляя о своей тайне, и было это из-за его гордости и мужественности. И он стремился купить Куррат-аль-Айн у ее господина всякими хитростями, но не мог этого сделать. И когда его терпение было побеждено и усилилась его страсть и он был не в силах ухитриться в деле этой девушки, Абу-Иса вошел к аль-Мамуну в день праздника, после ухода от него людей, и сказал: "О повелитель правоверных, если бы ты испытал своих предводителей сегодня, в неожиданное для них время, ты распознал бы среди них людей благородных меж прочими и узнал бы место каждого я высоту его помыслов". (А хотел такими словами Абу-Иса лишь достигнуть пребывания с Куррат-аль-Айн в доме ее господина.) "Это мнение правильное!" – оказал аль-Мамун. И потом он велел оснастить лодку, которую называли "Крылатая", и ему подвели лодку, и он сел в нее с толпой своих приближенных. И первый дворец, в который он вступил, был дворец Хумейда-длинного из Туса. И они вошли к нему во дворец, в неожиданное время, и нашли его сидящим..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста пятнадцатая ночь

Когда же настала четыреста пятнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что альМамун сел со своими приближенными, и они ехали, пока не достигли дворца Хумейда-Длинного из Туса. И они вошли к нему во дворец в неожиданное время и нашли его сидящим на циновке, и перед ним находились певицы, в руках которых были инструменты для песен лютни, свирели и другие.

И аль-Мамун посидел немного, а затем перед ним поставили кушанья из мяса вьючных животных, среди которых не было ничего из мяса птиц, и аль-Мамун не стал ни на что смотреть.

"О повелитель правоверных, – сказал Абу-Иса, – мы пришли в это место неожиданно, хозяин не знал о твоём прибытии. Отправимся же в помещение, которое для тебя приготовлено и тебе подходит".

И халиф с приближенными поднялся (а с ним вместе был его брат Абу-Иса), и они отправились к дому Али ибн Хишама.

И когда ибн Хишам узнал об их приходе, он встретил их наилучшим образом и поцеловал землю меж рук халифа, и затем он пошел с ним во дворец и отпер покои, лучше которых не видали видящие: пол, колонны и стены были выложены всевозможным мрамором, который был разрисован всякими румскими рисунками, а на полу были посланы циновки из Синда [428], покрытые басрийскими коврами, и эти ковры были изготовлены по длине помещения и по ширине его.

И аль-Мамун посидел некоторое время, оглядывая комнату, потолок и стены, и затем сказал: "Угости нас чемнибудь!" И Али ибн Хишам в тот же час и минуту велел принести ему около ста кушаний из куриц, кроме прочих птиц, похлебок, жарких и освежающих. А после аль-Мамун сказал: "Напои нас чем-нибудь, о Али!" И Али принес им вина, выкипяченного до трети, сваренного с плодами в хороших пряностях, в сосудах из золота, серебра и хрусталя, а принесли это вино в комнату юноши, подобные месяцам, одетые в александрийские одежды, вышитые золотом, и на груди их были повешены хрустальные фляги розовой воды с мускусом. И аль-Мамун пришел от того, что увидел, в сильное удивление и сказал: "О Абу-ль-Хасан!" И тот подскочил к ковру и поцеловал его, а затем он встал перед халифом и сказал: "Я здесь, о повелитель правоверных!" И халиф молвил: "Дай нам услышать какиенибудь волнующие песни!" – "Слушаю и повинуюсь, о повелитель правоверных!" – ответил Али, и затем он сказал кому-то из своих приближенных: "Приведи невольниц-певиц!" И тот отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И евнух скрылся на мгновение и пришел, и с ним было десять евнухов, которые несли десять золотых скамеечек, и они поставили их, и после этого пришли десять невольниц, подобных незакрытым лунам или цветущим садам, и на них была черная парча, а на головах у них были венцы из золота. И они шли, пока не сели на скамеечки, и стали они петь на разные напевы, и аль-Мамун взглянул на одну из невольниц и прельстился ее изяществом и прекрасной внешностью.

"Как твое имя, о невольница?" – спросил он. И девушка ответила: "Мое имя Саджахи, о повелитель правоверных". – "Спой нам, о Саджахи", – молвил халиф. И невольница затянула напев и произнесла такие стихи:

"Иду я, испуганный беседой с любимой,

Походкою низкого, двух львов увидавшего.

Покорность – мой меч, и сердце в страхе, влюблено?

Страшны мне глаза врагов, глаза соглядатаев.

И к девушке я вхожу, что в неге воспитана,

Похожей на лань холмов, дитя потерявшую".

"Ты отлично спела, о невольница! – сказал халиф. – Чьи это стихи!" "Амра ибн Мадикариба аз-Зубейдй, а песня – Мабада" [429], – отвечала невольница. И аль Мамун, Абу-Иса и Али ибн Хишам выпили, а потом невольницы ушли, и пришли еще десять невольниц, и на каждой из них была шелковая, йеменские материи, затканые золотом. И они сели на скамеечки и стали петь разные песни, и аль-Мамун посмотрел на одну из невольниц, подобную лани песков, и спросил ее: "Как твое имя, о невольница?" И невольница отвечала: "Мое имя Забия, о повелитель правоверных". – "Спой нам, о Забия", – сказал аль-Мамун. И девушка защебетала устами и произнесла такие два стиха:

"Девы вольные, что постыдного не задумали

Как газелей в Мекке ловить их нам запрещено.

За речь нежную их считают все непотребными,

Но распутничать им препятствует их вера".

О А когда она окончила свои стихи, аль-Мамун сказал ей: "Твой дар от Аллаха..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста шестнадцатая ночь

Когда же настала четыреста шестнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда невольница кончила декламировать, альМамун сказал ей: "Твой дар от Аллаха! Чьи это стихи?" – "Джерира, ответила девушка, – а песня – ибн Сурейджа" [430].

И аль-Мамун и те, кто были с ним, выпили, и невольницы ушли. А после них пришли десять других невольниц, подобных яхонтам, и на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

них была красная парча, шитая золотом и украшенная жемчугом и драгоценными камнями, и были они с непокрытыми головами. И они сели на скамеечки и стали петь разные песни, и аль-Мамун посмотрел на невольницу среди них, подобную дневному солнцу, и спросил ее: "Как твое имя, о невольница?" – "Мое имя Фатии, о повелитель правоверных", – отвечала она. И халиф сказал ей: "Спой нам, о Фатин". И она затянула напев и произнесла такие стихи:

"Подари мне близость – ведь время ей пришло теперь,

Достаточно разлуки уж вкусила я.

Ты тот, чей лик все прелести собрал в себе,

Но терпение я покинула, на него смотря,

Я жизнь свою истратила, любя тебя,

О, если бы за это мне любовь иметь!"

"Твой дар от Аллаха, о Фатин! Чьи это стихи?" – спросил халиф. И девушка отвечала: "Ади ибн Зейда, а песня – древняя". И аль-Мамун с Абу-Исой и Ал и ибн Хишамом выпили. Затем эти невольницы ушли, и пришли после них десять других невольниц, подобные жемчужинам, и была на них материя, шитая червонным золотом, а стан их охватывали пояса, украшенные драгоценными камнями. И невольницы сели на скамеечки и стали петь разные песни. И аль-Мамун спросил одну из невольниц, подобную ветви ивы: "Как твое имя, о невольница?" И девушка отвечала: "Мое имя Раша, о повелитель правоверных". – "Спой нам, о Раша", – сказал халиф. И девушка затянула напев и произнесла такие стихи:

"Как ветвь, темноглазый, тоску исцелит,

Газель он напомним, коль взглянет на нас.

Вино я пригубил" ладит его в честь,

И чашу тянул я, пока он не лег,

Со мною на ложе проспал он тогда,

И тут я сказал: "Вот желанье мое!"

"Ты отлично спела, о девушка, – воскликнул аль-Мамун, – прибавь нам!" И невольница встала и поцеловала Землю меж рук халифа и пропела такой стих:

"Она вышла взглянуть на пир тихо-тихо,

В одеянье, пропитанном духом амбры",

И аль-Мамун пришел от этого стиха в великий восторг, и, когда девушка увидела восторг аль-Мамуна, она стала повторять напев с этим стихом. А после этого аль-Мамун оказал: "Подведите Крылатую!" И хотел садиться и уехать, и тут поднялся Аля ибн Хишам и сказал: "О повелитель правоверных, у меня есть невольница, которую я купил за десять тысяч динаров, и она взяла все мое сердце. Я хочу показать ее повелителю правоверных. Если она ему понравится и он будет ею доволен, она принадлежит ему, а нет – пусть послушает ее пение", – "Ко мне с нею!" – воскликнул, халиф, и вышла девушка, подобная ветви ивы, – у нее были глаза прельщающие и брови, подобные двум лукам, а на голове ее был венец из червонного золота" украшенный жемчугом и драгоценными камнями, под которым была повязка и на повязке был выведен топазом такой стих:

Вот джинния, у нее есть джинн, чтоб учить ее

Искусству разить сердца из лука без тетивы.

И эта невольница прошла, как блуждающая газель, и искушала она богомольного. И она шла до тех пор, пока не села на скамеечку..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста семнадцатая ночь

Когда же настала четыреста семнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушка прошла, как блуждающая газель, и искушала она богомольного. И она шла до тех пор, пока не села на скамеечку.

Когда аль-Мамун увидел ее, он изумился ее красоте и прелести, и Абу-Иса почувствовал боль в душе, и цвет его лица пожелтел и вид его изменился.

"О Абу-Иса, сказал ему аль-Мамун, – твой вид изменился". И Абу-Иса ответил: "О повелитель правоверных, это по причине болезни, которая иногда на меня нападает". – "Знал ли ты эту невольницу раньше?" – спросил это халиф. И Абу-Иса ответил: "Да, о повелитель правоверных, и разве бывает сокрыт месяц?" – "Как твое имя, девушка?" – спросила аль-Мамун. И невольница ответила: "Мое имя Куррат-аль-Айя, о повелитель правоверных!" – "Спой нам, о Куррат-аль-Айн", – сказал халиф. И девушка пропела такие два стиха:

"Вот уехали все возлюбленные ночью,

Они тронулись с паломниками под утро,

Раскинули палатки славы вокруг шатров

И завесились занавескою парчовой".

"Твой дар от Аллаха! – сказал ей халиф. – Чьи это стихи?" И девушка ответила: "Адбия аль-Хузаи, а песня Зарзура-младшего".

И посмотрел на нее Абу-Иса, и слезы стали душить его, и удивились ему люди, бывшие в помещении, а девушка повернулась к аль-Мамуну и сказала: "О повелитель правоверных, позволишь мне переменить слова?" – "Пой что хочешь", – отвечал ей халиф. И она затянула напев и произнесла такие стихи:

"Когда лишь угоден ты, и друг твой с тобою хорош

Открыто – так тайно будь вернее еще в любви.

И сплетников речь ты разъясни – не случается,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Чтоб сплетник не захотел влюбленного разлучить.

Сказали: "Когда влюбленный близок к любимому,
Наскучит он, а когда далек он – любовь пройдет".

Лечились по-всякому, но все же нездоровы мы,

И все же жить в близости нам лучше, чем быть вдали.

Но близость домов помочь не может совсем тогда,

Когда твой возлюбленный не знает к тебе любви".

А когда она окончила эти стихи, Абу-Иса сказал: "О повелитель правоверных..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восемнадцатая ночь

Когда же настала четыреста восемнадцатая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, (когда Куррат-аль-Айн окончила эти стихи, Абу-Иса сказал: "О повелитель правоверных, выдав себя, мы находим отдых! Позволишь ли ты мне ответить ей?" – "Да, говори ей что хочешь", – ответил халиф. И Абу-Иса удержал слезы глаз и произнес такие два стиха:

"Я промолчал, не высказал любви я,

И скрыл любовь от собственной души я.

И если любовь в глазах моих увидят,

То ведь луна светящая к ним близко".

И взяла лютню Куррат-аль-Айн и затянула напев и пропела такие стихи:

"Будь правдой все то, что утверждаешь,

Надеждой бы ты не развлекался,

И стоек перед девушкой бы не был,

Что дивна по прелести и свойствам

Но то, что теперь ты утверждаешь,

Одних только уст слова – не больше".

И когда Куррат-аль-Айн окончила эти стихи" Абу-Иса стал плакать, рыдать, жаловаться и дрожать, и затем он поднял к ней голову и, испуская вздохи, произнес такие стихи:

"Одеждой скрыта плоть изнуренная,

В душе моей забота упорная.

Душа моя болезнью всегда больна,

Глаза мои потоками слезы льют,

И только лишь с разумным встречаюсь я,

Тотчас меня за страсть бранит горько он.

О господи, нет силы для этого!

Пошли же смерть иль помощь мне скорую".

Когда же Абу-Иса окончил эти стихи, Али ибн Хишам подскочил к его ноге и поцеловал ее и сказал: "О господин, внял Аллах твоей молитве и услышал твои тайные речи, и согласен он на то, чтобы ты взял ее со всем ее достоинством, редкостями и подарками, если нет у повелителя правоверных до нее охоты. "Если бы у нас и была до нее охота, – сказал тогда аль-Мамун, – мы бы, право, дали преимущество перед нами Абу-Исе и помогли бы ему в его стремлении".

И потом аль-Мамун вышел и сел в Крылатую, а АбуИса остался сзади, чтобы взять Куррат-аль-Айн. И он взял ее и уехал с нею в свое жилище, и грудь его расправилась.

Посмотри же, каково благородство Али ибн Хишама!